

УДК 343.1

ПРАВООБЯЗАННОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

© 2019 г.

И.С. Тарасов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

89159366400@mail.ru

Поступила в редакцию 19.11.2018

Исследуется проблематика заимствования чуждых российской правовой культуре западных протестантских ценностей на примере англосаксонского института бремени доказывания. Предложено воспользоваться евразийской правовой категорией «правообязанность» в рамках уголовного судопроизводства, в частности по отношению к обязанности органов предварительного расследования вести производство по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, евразийство, бремя доказывания, культурные ценности, духовно-нравственное воспитание.

Принцип публичности, который теперь носит доктринальный характер, говорит о том, что органы предварительного расследования надеются обязанностью осуществлять уголовное преследование от имени государства (ст. 21 УПК РФ).

Всё это указывает на долг органов предварительного расследования раскрыть преступление, установить виновных лиц, передать дело в суд для вынесения приговора.

В учебной литературе, а также в комментариях к УПК РФ авторы понятие «обязанность доказывания» делают синонимом другого понятия – «бремени доказывания», причём в виде констатации факта. Например, И.Б. Михайловская, заявив, что обязанность доказывания вины лица лежит на органах, осуществляющих уголовное преследование, дальше приводит дословно содержание ч. 2 ст. 14 УПК РФ, никак не поясняя это [1].

Практически никто не раскрывает сущности понятия «бремя доказывания», хотя это стоило бы сделать.

Начнём с того, что данная правовая категория – часть англосаксонской правовой системы.

В основе бремени доказывания лежит следующий тезис: «Бремя доказывания лежит на обвинении» [2]. Именно в таком виде и был усвоен данный правовой институт нашим законодателем.

На самом деле бремя доказывания имеет далеко не совсем простое содержание.

Во-первых, там существуют разные виды бремени: общее бремя – обязанность доказать, чтобы выиграть дело; правовое бремя – обязанность доказать предмет спора; доказательственное бремя – бремя, определяющее достаточ-

ность доказательств, когда суд может решить вопрос, кто выиграл дело [3].

Во-вторых, бремя доказывания может быть перенесено на обвиняемого. Исследователи английского права серьёзно озабочены таким положением дел. В.Я. Вульф, изучая бремя доказывания, делает неутешительный вывод: «Перенесение бремени доказывания на обвиняемого грубо нарушает интересы личности, целиком предоставленной фактическому судебному произволу, и превращает в фикции формально-правовые гарантии, провозглашенные английской буржуазной демократией» [4]. Английский юрист Г. Ноукс вынужден был заявить о необходимости предотвращения полного вытеснения правила о бремени доказывания из практической деятельности судебных органов [5].

Получается, чтобы последовательно инкорпорировать этот институт в российское правовое поле, следует разрешить бремя доказывания переносить на обвиняемого, что будет нарушать презумпцию невиновности.

Бремя доказывания – это не просто правовой институт Англии и США, это проявление протестантской культуры, именно так воплощаются духовно-нравственные ценности Европы.

Что такое ценность? Н. Лосский определяет понятие «ценность» так: «Ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка» [6].

Рассмотрим, как протестантизм относится к духовным ценностям.

Авторитетом для протестантизма является Священное Писание и рациональная логика, которая должна помочь познать духовные кате-

гории, божественную природу. Другими словами, происходит осмысление веры в Бога с помощью логики. «Если поместить сокровенное знание в рациональный формат, происходит умаление религии» [7].

Фундаментом для протестантизма являются два положения: «Человек есть мера всех вещей» и «Я мыслю, следовательно, существую». Они позволили отречься от Бога. Доминирует культ разума, а всё иррациональное вытесняется, отбрасывается. Через такой подход происходит оправдание грехов и пороков земной жизни.

Бог для протестантов лишь программирует судьбу человека, а затем забывает о нём. Поэтому человек предоставлен сам себе, и мировоззрение протестантски настроенных людей ограничивается пятью чувствами человека, точнее, материальными благами. Провозглашается тотальная свобода, лишённая моральных границ. Как пишет Ф.М. Достоевский, «когда нет Бога, то всё позволено» [8]. Самое страшное: протестантизм и его ценности уничтожают религию и отменяют совесть.

В уголовном судопроизводстве, которое следует протестантской логике, поощряется субъективный подход, доминирование усмотрения следователя и судьи. Протестантизм так размывает границы этого усмотрения, что уже не видно принципиальной разницы между усмотрением и произволом.

Выделяют объективные и субъективные факторы формирования такого искаженного усмотрения.

Объективные факторы содержатся в УПК РФ 2001 года, который был принят на основе западных ценностей. Наличие пробелов в законе, недостаточная определённости и многозначность отдельных правовых норм, допускающие выбор поведения, отсутствие в законе указаний на то, как их следует понимать [9], дают возможность злоупотребить усмотрением.

На субъективные факторы искаженного усмотрения следователя и суда указал А.Б. Ярославский – это 1) искаженный характер оценочной деятельности следователя; 2) пренебрежение следователем соблюдением процессуальной формы при проведении расследования; 3) способность следователя принимать решения по делу вопреки закону и служебному долгу, под воздействием местных влияний или заинтересованных лиц [10].

Получается, что для уголовного судопроизводства, основанного на протестантизме, нет принципиальной разницы между словами: «Я так думаю» (неискаженное усмотрение) и «Я так хочу думать» (искаженное усмотрение, произвол). Всё отдано на откуп следователям и судьям, а значит,

порождается прецедентное право, делая правоприменительную практику нестабильной.

Зададимся теперь такими вопросами: 1) имеют ли право западные ценности считаться универсальными? 2) можно ли полностью перенести ценности одного народа в национальный код другого народа без последствий?

Ответ на первый вопрос должен быть отрицательным. Наш мир многополярен, поэтому идея наличия универсальных человеческих ценностей нежизнеспособна. Несмотря на это, Европа и США пытаются такую идею воплотить на уровне культуры. В.Т. Томин поясняет, что термин «правовое государство» является инструментарием «западноевропейской философии права», представители которой «ограниченное (частное), своё, пытаются представить как всеобщее» [11, с. 105]. Н. Трубецкой пишет о том, как западные учёные делят мир на разделяющие общечеловеческие (или европейские) ценности народы и на остальные («дикари»), которых следует срочно «европеизировать» или уничтожить [12]. У России есть своя культура, своё право, свои духовные ценности. Опасность первой причины в том, что «окультуривание» дикарей идёт самыми жестокими способами (вплоть до уничтожения народов).

Ответ на второй вопрос тоже будет отрицательным, так как ещё неизвестно, как именно ценности другой цивилизации, другого национального кода приживутся в России. Джордж Сантьяна отмечает: «Цельные души, воспитанные в одной отчетливой традиции, считают свою религию, какой бы она ни была, верной, возвышенной и единственно разумной основой морали и политики. На деле же религиозные верования крайне неосновательны, отчасти потому, что они произвольны, так что у соседнего племени или в последующие века они принимают совершенно другую форму; отчасти оттого, что если они искренни, то спонтанны и, подобно поэзии, постоянно меняются в той душе, в которой рождаются» [13]. Другими словами, ещё доподлинно неизвестно, какой симбиоз будет из сочетания разных духовных ценностей в одном народе.

И, самое важное, не стоит забывать, как именно относятся к России на Западе. Вот как, по мнению И. Ильина, взгляд европейского сообщества на Россию: «Россия – это загадочная, полуварварская «пустота»; ее надо «евангелизировать» или обратить в католичество, «колонизировать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западноевропейских целей и интриг; а впрочем, ее необходимо всячески ослаблять» [14].

Именно поэтому в России противопоказано всякое копирование, заимствование каких бы то ни было чуждых духовных основ.

Отсюда происходит главный вывод: российское (или отечественное) уголовное судопроизводство надо построить на исконно русских, православных ценностях и политико-правовых традициях.

Необходимо выработать свой юридический понятийный аппарат, который соответствовал бы национальному менталитету русского народа, так как западная правовая терминология очень подвижна и одни и те же слова там приобретают нужный современной обстановке смысл и значение.

На мой взгляд, сформулировать новые правовые понятия нам поможет евразийская юриспруденция, которая предлагает учитывать культурное разнообразие, традиции народов, проживающих на территории России.

Наряду с термином «обязанность уголовного преследования» данная юриспруденция предлагает использовать термин «правообязанность», введенный учёным-правоведом, евразийцем Н.Н. Алексеевым.

Правообязанность¹ – это такое сочетание прав и обязанностей, при котором право пропитывается обязанностью и обязанность правом.

Н.Н. Алексеев в статье «Обязанность и право» приводит пример с прокурором, который может оставить обвиняемого на свободе, но в то же время он обязан его арестовать, иначе «это будет небрежение по службе» [15].

Следует подчеркнуть, что акцент в формулировке «правообязанность» как юридического термина сделан на обязанностях, а точнее, на превращении субъективных прав в юридические обязанности. Иначе говоря, здесь формулируется долг органов государственной власти, в том числе и органов предварительного расследования.

В.Т. Томин, рассуждая о евразийском типе государства и права, о русском, славянском менталитете в понимании евразийского государства, отмечает, что Евангелия «сосредотачивают своё внимание отнюдь не на правах – на обязанностях... Это только Бог никому и ничем не обязан. Остальные – сплошь в обязанностях» [11, с. 106].

Н.Н. Алексеев использует термин «компетенция» как внутреннее органическое сочетание прав и обязанностей.

Такой подход к формулированию евразийского правового термина требует наличия внутреннего содержания, нравственно-культурного наполнения.

Как мы уже выяснили, протестантские культурно-правовые ценности представляют опас-

ность для современного отечественного уголовного судопроизводства, так что есть необходимость искать содержательное наполнение правообязанностей в традициях русской культуры.

Русская культура – это феномен, который свойственен православию, а также мусульманству, буддизму и иудаизму. А.В. Агутин отмечает следующее: «В этом феномене нашло себе весьма комфортное бытие многонациональное народонаселение нашей страны. По этой причине игнорирование феномена русской культуры в сфере уголовного судопроизводства способно привести к нейтрализации его смысла» [16, с. 86].

В содержание правообязанностей следует включить формирование мировоззрения сотрудников правоохранительных органов, которые ведут расследование уголовных дел, на основе культурных ценностей России.

Это мировоззрение должно основываться на идее служения благу государственного целого.

Идея служения вытекает из принципа соборности как органической связи частей и целого. Служить – значит выполнять свои обязанности перед государством-целым, но выполнять их не принудительно, а свободно, исходя из своих нравственных установок.

Принцип служения – это основа взаимодействия между властью и гражданами государства, в котором утверждаются взаимные правообязанности.

Всё это должно привести к формированию следователей и дознавателей как личностей. Причём личность должна пониматься как «человек, мировосприятие и миропонимание которого базируются на культурно-историческом наследии, духовно-нравственных основах, менталитете, мировоззрении и укладе жизни российского народа» [16, с. 84].

А.В. Агутин указывает, что «совершая то или иное действие в сфере уголовного судопроизводства, субъекты доказывания соотносят его с имеющимися нормами и ценностями, анализируют его с позиций того, какую пользу он принесет себе, другим субъектам доказывания, а также его российской общности» [17].

Подводя итог нашему исследованию, можно сформулировать следующее понятие.

Правообязанность органов предварительного расследования при производстве по уголовному делу – это органическая совокупность прав и обязанностей, которая основывается на русско-православных ценностях и выражается в уголовном преследовании обвиняемого с помощью процессуальных (указанных в законе) и духовно-нравственных (мировоззренческих) методов и способов.

Примечание

1. Термин «правообязанность» представляет собой кальку с нем. «die Rechtspflicht» (правовой долг), которому Н.Н. Алексеев придал евразийское содержание и наполнил духовно-нравственным смыслом.

Список литературы

1. Башков Л.Н. [и др.] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. М.: Проспект, 2011. С. 84–85.
2. Frank Z. Bunn. Evidence in criminal cases. London, 1957. P. 9.
3. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург, 1997. С. 135.
4. Вульф В.Я. О бремени доказывания в английском уголовном процессе // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 131.
5. Nokes G.D. An introduction to evidence. London, 1956. P. 426.
6. Лосский Н. Ценность и бытие // Электронная библиотека BooksCafe.net. URL: http://bookscafe.net/read/losskiy_nikolay-cennost_i_bytie.html (дата обращения: 12.07.2018).
7. Шалыганов Ю.В. Проект Россия. Полное собрание. М.: Эксмо, 2013. С. 72.
8. Душенко К. Всё позволено (Блок: «Истории знаменитых цитат»). URL: http://www.dushenko.ru/quotation_date/121968/ (дата обращения: 11.10.2018).

9. Уголовный процесс: Проблемные лекции / Под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. С. 561.

10. Ярославский А.Б. Усмотрение следователя при расследовании уголовных дел: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2000. С. 18–19.

11. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009.

12. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана // Электронная библиотека BooksCafe.net. URL: http://bookscafe.net/read/trubeckoy_nikolay-nasledie_chingis_hana.html (дата обращения: 12.09.2018).

13. Сантьяна Дж. Скептицизм и животная вера / Пер. с англ. Л.С. Фомина. СПб.: Владимир Даль, 2001. URL: <https://studfiles.net/preview/6722707/>.

14. Ильин И. Наши задачи. Т. 1. Собрание очерков. Против России // Электронная библиотека BooksCafe.net. URL: http://bookscafe.net/read/ilin_ivan-nashi_zadachi_tom_i-68442.html (дата обращения: 15.09.2018).

15. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. С. 158.

16. Агугин А.В., Синцов Г.В. К вопросу о роли личности и русской (российской) культуры в обеспечении действенности отечественного уголовного судопроизводства // Известия высших учебных заведений. Приволжский регион. 2016. № 4 (40).

17. Агугин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании. Дис. ... докт. юр. наук. На правах рукописи. Н. Новгород, 2005. С. 39.

PRELIMINARY INVESTIGATION AGENCIES' LAW-DUTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: VALUE-BASED APPROACH

I.S. Tarasov

In this article, the author examines the problem of borrowing western protestant values alien to Russian legal culture on the example of the Anglo-Saxon institution of the burden of proof. The author suggests using the Eurasian legal category «law-duty» in criminal proceedings, in particular in relation to the responsibility of preliminary investigation agencies to conduct criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, Eurasianism, burden of proof, cultural values, spiritual and moral education.

References

1. Bashkov L.N. [i dr.] Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: Uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. / Отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. М.: Проспект, 2011. С. 84–85.
2. Frank Z. Bunn. Evidence in criminal cases. London, 1957. P. 9.
3. Reshetnikova I.V. Dokazatel'stvennoe pravo Anglii i SShA. Ekaterinburg, 1997. S. 135.
4. Vul'f V.Ya. O bremeni dokazyvaniya v anglijskom ugolovnom processe // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1962. № 7. S. 131.
5. Nokes G.D. An introduction to evidence. London, 1956. P. 426.
6. Losskiy N. Cennost' i bytie // Elektronnaya biblioteka BooksCafe.net. URL: http://bookscafe.net/read/losskiy_nikolay-cennost_i_bytie.html (дата обращения: 12.07.2018).

7. Shalyganov Yu.V. Proekt Rossiya. Polnoe sobranie. M.: Eksmo, 2013. S. 72.

8. Dushenko K. Vsyo pozvoleno (Blok: «Istorii znamenityh citat»). URL: http://www.dushenko.ru/quotation_date/121968/ (дата обращения: 11.10.2018).

9. Ugolovnyj process: Problemnye lekci / Pod red. V.T. Tomina, I.A. Zinchenko. M.: Yurajt, 2013. S. 561.

10. Yaroslavskij A.B. Usmotrenie sledovatelya pri rassledovanii ugolovnyh del: Avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. Volgograd, 2000. S. 18–19.

11. Tomin V.T. Ugolovnyj process: aktual'nye problemy teorii i praktiki. M.: Yurajt, 2009.

12. Trubeckoj N. Nasledie Chingiskhana // Elektronnaya biblioteka BooksCafe.net. URL: http://bookscafe.net/read/trubeckoy_nikolay-nasledie_chingishana.html (дата обращения: 12.09.2018).

13. Sant'yana Dzh. Skepticizm i zhivotnaya vera / Per. s angl. L.S. Fomina. SPb.: Vladimir Dal', 2001. URL: <https://studfiles.net/preview/6722707/>.

14. П'ин I. Nashi zadachi. T. 1. Sbranie ocherkov. Protiv Rossii // Elektronnaya biblioteka BooksCafe.net. URL: http://bookscafe.net/read/ilin_ivan-nashi_zadachi_tom_i-68442.html (data obrashcheniya: 15.09.2018).
15. Alekseev N.N. Russkij narod i gosudarstvo. M.: Agraf, 2003. S. 158.
16. Agutin A.V., Sincov G.V. K voprosu o roli lichnosti i russkoj (rossijskoj) kul'tury v obespechenii dejstvennosti otechestvennogo ugolovnogo sudoproizvodstva // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Privolzhskij region. 2016. № 4 (40).
17. Agutin A.V. Mirovozzrencheskie idei v ugolovnoprocessual'nom dokazyvanii. Dis. ... dokt. jur. nauk. Na pravah rukopisi. N. Novgorod, 2005. S. 39.